

Меблированное искусство

«Том второй» Ильи Пиганова
в Музее архитектуры

Роскошная 7-2005. - 14 апр. - с. 1

ВЫСТАВКА мебель

В московском Музее архитектуры открылась выставка Ильи Пиганова «Том второй». В отличие от «Тома первого», показанного в 1996 году в ЦДХ и составленного из фотоколлажей, новое собрание произведений известного художника включает в себя исключительно мебель: шкафы, столешницы, ширмы, над которыми господин Пиганов весьма успешно трудится последнее время. Меблированное искусство рассматривала ИРИНА КУЛИК.

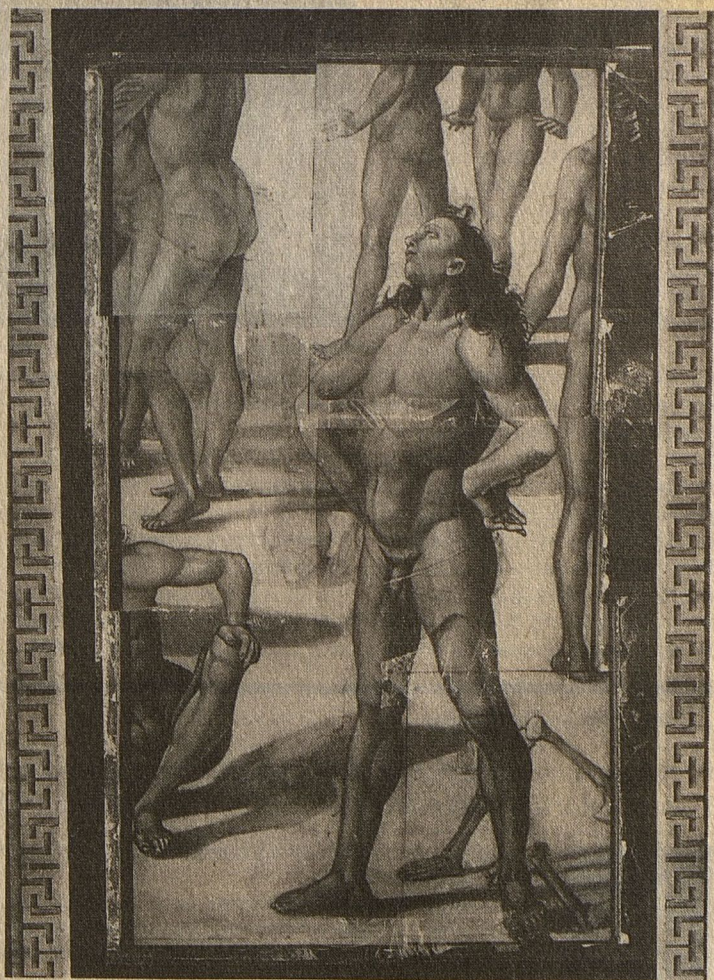
Илья Пиганов может позволить себе менять занятия и сферы деятельности — успех все равно следует за ним хвостом, не отставая даже на самых извилистых виражах. Господин Пиганов побывал современным художником, фотографом, рекламщиком, открывал галереи и ночные клубы, не сходил со страниц «Матadora», «Птюча» и прочего тусовочного глянца, поработал в качестве художника над фильмами Юрия Грымова и Ивана Дыховичного, оформил первый московский бутик Versace, а вот теперь занялся изготовлением авторской мебели.

В самом обращении современного художника к изготовлению бытовых предметов нет ничего неожиданного — достаточно вспомнить, к примеру, русский авангард, в первые годы советской власти посвятивший себя разработке дизайна новых вещей для новых людей. По сути, весь современный дизайн отчасти является порождением авангарда — но и его капитуляцией. От революционного проекта тотального преобразования мира вплоть до последней рубашки и чашки пришлось отказаться: новые люди так и не появились, так что пришлось приручать авангардистские формы для нужд людей вполне обычных, «старых» и вполне себе буржуазных.

Илья Пиганов также занимается одомашниванием искусства, причем не авангарда, а ед-

ва ли не всей истории мировой культуры. В дело идет все: фрески Ренессанса и персидские ковры, византийские мозаики и барельефы русского модерна. Не говоря уже о цветах и плодах — символичнее и поэтичнее — орхидеях и смоквах — и плоти в самом широком понимании, будь то тронутые гнильцой изысканного оттенка ломтики сырого мяса или украшенный татуировкой девичий живот. Разбитые на фрагменты и многократно умноженные, перемешанные, словно в калейдоскопе, все эти красоты покрывают столешницы, оттоманки, поставцы, секретеры, именующиеся высококультурно до вычурности: «Мыло Рафаэля», «Ошибка Фрейда», «Книги Просперо», «Любовь Свана». В общем обстановка для логова злостного, отпетого постмодерниста, привыкшего есть с культуры, спать на культуре, чистить культурой зубы и подкладывать ее под голову — но отнюдь не разводить перед ней академические церемонии.

Впрочем, вся эта роскошная доступность красот всех времен и народов только иллюзия. Господин Пиганов украшает свою мебель не какими-нибудь бесценными мозаиками и инкрустациями по мотивам шедевров мировой культуры, но всего лишь их фотокопиями. И сколь бы затейливо ни звучало описание изобретенной и запатентованной художником техники декорирования, включающей в себя покрытие фотоотпечатка пергаментом и лаком, в сущности, мебель от Ильи Пиганова просто обернута в своего рода фотообои, имеющие к сокровищам цивилизации примерно такое же отношение, как березки на стенах кухни — к настоящему лесу. При всем своем эстетстве изделия господина Пиганова, в сущности, бутафория. И в том, что художник предлагает их ценителям роскоши, все-таки есть ирония, позволяющая угадать в авторе не просто декоратора, но и современного художника.

Образы истории искусств Илья Пиганов превращает в дверцы и столешницы